
«ОСОБЛИВАЯ ЧАСТЬ СВЕТА»: ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

***Т.В. Артемьева**
Российский государственный
педагогический университет (Санкт-Петербург)*

Аннотация: *В статье исследуется связь формирования государственной идентичности в России XVIII века с системой космолого-географических координат и концептуализацией пространственной уникальности страны. Как показывается автор, официальная идеология создавала образ России не только в качестве политического, но и геополитического тела. При этом экономические и культурные стратегии экспансии трактовались и как колониальные завоевания, и как внутренние преобразования.*

Ключевые слова: *империя, внутренняя колонизация, колониальное управление, колониальный тип господства, история русской культуры, история России.*

Изнанка границы

Один из персонажей романа Владимира Набокова «Отчаяние» как-то купил участок земли под Берлином. Участок не был огорожен — владелец ждал, когда изгородь будет возведена его соседями, собираясь воспользоваться практическими преимуществами метафизики демаркаций. На своем участке он собирался иметь дело не с самой границей, а с ее изнанкой, но этот юридический фантом должен был предстать как вполне материальный забор, обрамляющий его территорию и оформляющий его собственность.

Этот герой мог бы получить и другие (как сказали бы сегодня) бонусы за свое «изнаночное» существование: тень от дерева, посаженного соседями; дорогу, проложенную к их домам; магазин, построенный поближе к новым покупателям. Таким образом, маргинальное пространство между чужими жизнями может насыщаться тенями и изнанками этих жизней, получая подобие реальности.

Отличие такого мира от подлинной реальности заключается в том, что его хозяин над ним не властен. Он может наслаждаться видом беломраморного особняка, а может страдать от близости смрадного бидонвиля. Но в любом случае тени и запахи, которые насыщают жизнь изнаночного человека и которые он считает своими, являются только отголосками другой, настоящей жизни, хотя и будоражат фантазии бедняги, сидящего у чужого забора.

Расширение набоковского образа невольно приводит нас к платоновской модели мира. Однако за пределами «пещеры», которую избрал в качестве места жизни наш герой, — не идеальный мир Платона, а просто иные цивилизации, создающие свою культуру, распространяющую тени, флюиды, запахи, образы и идеи.

Что-то подобное происходит и со странами, формирующими свою идентичность внутри границ, образованных не по взаимной договоренности с соседями, а природных, случайно установленных или вовсе не определенных. Пространство, полученное таким образом, может быть лишено социальной и культурной определенности и приобретает ее постепенно, по мере освоения и обживания, «внутренней колонизации». Но как казенная дача с полотняными чехлами и инвентарными номерами на мебели может и не приобрести обаяния индивидуального жилища, перейдя в своем первоначальном виде к другому временному владельцу, так и пространство страны, очерченной случайными границами, может остаться чужим по отношению к обитающему внутри него народу.

Глобус России

Формирование государственной идентичности в России XVIII века связано с системой космолого-географических координат и осознанием пространственной уникальности страны. Это отражает ряд идентификационных определений, включая визуальные образы, характерные для российской культуры XVIII века. Так, в книге Н.М. Максимовича-Амбодика «Емвлемы и символы избранные» [Максимович-Амбодик 1788: X]¹ изображен парящий в космосе земной шар с надписью «Россия», помещенной так, словно это название всего небесного тела. Этот визуальный образ можно соотнести с официальным гербом Советского Союза, на котором скрещенные серп и молот покрывали Европу, Азию и Африку, простираясь до Северной Америки.

На гравюре «Коронование Екатерины I»² изображен Петр I, опирающийся на глобус. При ближайшем рассмотрении видно, что это «глобус России» — изображение России в виде земного шара. В центре расположена Москва, севернее (sic!) — Казань, прямо на восток — Астрахань, а на месте Арктики — Сибирь.

Коронация Екатерины I в 1724 году завершила политическое оформление России в статусе империи, которое было начато провозглашением Петра I императором в 1721 году [См. об этом: Шепелев 1999: 378-379]. В смысловом поле понятия империи, включающем политические, этнографические и идеологические аспекты, пространственная составляющая играет очень важную роль. Словарь Академии Российской определяет империю как «Пространство земли, управляемое государем, имеющим титул императора». В качестве примера словоупотребления приводится: «Распространить, расширить пределы империи. Управлять империей» [Словарь Академии Российской 1792: Стлб. 296].

«Атлас Всероссийской Империи» (1731) с гордостью фиксировал в своем названии, что «Империя Российская более 130 градусов простирается, которых весь земный глобус 360 в себе содержит» [Атлас Всероссийской Империи 1731]. «Новый и полный географический словарь Российского государства» отмечал, что «Россия занимает более 7[-й] части известная суши, или почти 26[-ю] часть всей поверхности земного шара» [Новый и полный геогр. слов. Росс. гос. 1788: 172] и далее: «...не существует, да и в древности не было никогда Государства под одним владением, которое бы обширностью своею могло равняться с Россиею» [Там же: 173].

Официальная идеология, даже когда вела завоевательные войны, говорила о *естественных границах* страны, представляющих собой океаны, горные массивы, водоразделы, реки. Она невольно создавала образ России не столько как политического, сколько геополитического

¹О предшествующей картографической традиции см., например: Кивельсон 2012.

²Коронование Екатерины I. 1725. РГИА. Ф. 485. Оп. 4. Д. 409.

тического или метагеографического тела³. Это позволяло объяснить существование нескольких политических режимов и экономических укладов, сосуществовавших в России в одно и то же время, но не разрушавших общего впечатления единства страны, а, напротив, усиливающих его за счет демонстрации разнообразия возможностей.

В реальности получалось, что официально провозглашаемая власть распространялась только по силовым линиям коммуникаций, включая крупные административные центры. Политико-юридическое наполнение окраинных пространств могло варьироваться от родового общества, крепостного права и даже откровенного рабства до парламентской монархии, существовавшей в Великом княжестве Финляндском (в царствование Александра I и после 1869 года). Империя представляла собой не искусный и послушный механизм, подобный игрушкам, которые так любили демонстрировать в XVIII веке, а живой организм, части которого к тому же далеко не всегда подчинялись приказаниям «головы». При этом позиция монарха приобретала порой сверхполитический и даже сакральный характер. В качестве экзотического примера можно вспомнить, что Екатерина II была объявлена бурятскими ламаистами воплощением Белой Тары — божества, покровительствующего медитации и учению⁴. Сама же она называла себя «главой греческой церкви»⁵.

В таких условиях экономическая и культурная экспансии носили амбивалентный характер: с одной стороны, они воспринимались как колониальные завоевания, а с другой — как внутренние преобразования. Управление громадными малонаселенными пространствами формировало особые формы коммуникации и определенную мифологию. Монарх управлял как бы не народом, а пространством, не столько людьми, сколько землями или ресурсами. «Ресурсное» мышление, характерное для российской политической элиты в XVIII веке, было основано на традициях «расширения» жизненного пространства и связано с идеями физиократов, рассматривавших землю (в идеальном случае землю с крестьянами) как главную ценность страны.

Освоение пространства могло рассматриваться и как государственная идеология, и как миссия народа. Alter ego Л.Н. Толстого Константин Левин считал, что «русский рабочий имеет совершенно особенный от других народов взгляд на землю <...> этот взгляд русского народа вытекает из сознания им своего призвания заселить огромные, незанятые пространства на востоке» [Толстой 1982: 267]. Логика ресурсного мышления лежала и в освоении целинных земель 1950-х годов, и в принудительной романтизации строительства Байкало-Амурской магистрали, объявленной в 1974 году всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Сейчас этим ресурсом стала нефть — черная кровь земли...

«Особливую часть света» действительный член Петербургской Академии наук, исследователь Сибири и Урала Иоганн Георг Гмелин видел за Енисеем, который, по его предположению, разделял Европу и Азию [Александровская 1989: 42]. Вопрос о разделении континентов, ставший актуальным в эпоху Просвещения и фактически не завершившийся до сих

³О метагеографии как гуманитарном аспекте исследования пространства или своеобразной философии географии много писал Д.Н. Замятин. См., например: Замятин 2003; Замятин 2004 и др. В англоязычной науке используется понятие геософии, введенное Дж.К. Райтом в работе: Wright 1947. По словам Райта, геософия «имеет дело с природой и выражением географического знания, как прошлого, так и нынешнего — с тем, что [Д.] Виттлси назвал „человеческим чувством [земного] пространства“» (ранее термин «геософия», имевший гораздо более мистический и расплывчатый смысл, предлагал ввести русский поэт Н.С. Гумилев). Райт ссылается на работу: Whittlesey 1945.

⁴«...Основным следствием принятия ламаизма в качестве официальной религии в Калмыкии и Бурятии было то, что процесс оформления его церковной организации и покровительство государства предопределили включение членов императорской фамилии в пантеон ламаизма» [Арзуманов 2006; цит. по публикации на сайте Белгородской православной духовной семинарии: http://seminaria.bel.ru/pages/mo/2006/mo2_st_5.htm (27.08.2011)]. «Со времен Екатерины все русские государи почитаются у монголов за хубилганов цаган дара-эхэ (белой тары — покровительницы учения)» [Позднеев 1887: 69].

⁵В письме к Вольтеру от 26 декабря (7 января) 1773 года. См.: Филос. и полит. переписка 1802: 178.

пор⁶, имел для России не только естественно-научный характер. Он помещал ее в новое пространство, менял не только ее онтологию, но и систему ценностных ориентаций.

Изменение географических координат европейского пространства и России произошло в петровское время. Граница между Европой и Азией, которая с древнейших времен проводилась по Дону, а затем по Волге, переместилась на Урал, «присоединив» значительную часть Российской империи к Европе [См. об этом: Wigen, Lewis 1997]. Василий Татищев и шведский ученый Филипп Страленберг⁷, проведенный в Сибири 13 лет в качестве военнопленного, обосновали, что «естественной» границей должен быть проходящий по Уральским горам водораздел [Архипова, Ястребов 1990].

Ея границы, — писал Татищев в 1745 году, — от запада и севера океан, к востоку от Азии, древняя граница от Средиземного моря проливом Цимбриским, или Константинопольским (Босфором. — *Т.А.*), чрез Черное и Азовское море до реки Дона, а далее на север не знали, оные клали Двину, потом другие от Волги Камою вверх до Усолки и оную до Печоры и Ледоватого моря, но меж Волги и Дона паки не знали, где б природную границу сыскать. Делиль, французский географ, Обь, реку в Сибири, за то почел, но весьма приличнее и натуральным положением сходнее от ускости Вейгач за границу природную горы Великой Пояс [Урал] и Яиком вниз чрез море Каспийское, до реки Кумы или до гор Тауринских и оными до устья Дона, потом Азовское и Черное море даже проливом Константинопольским в Средиземное море, и оное с югу граничит с Африкою [Татищев 1979: 271].

Передвижение границы Европы и Азии на восток имело далекоидущие идеологические последствия. Москва перестала быть «азиатской столицей», зато в XVIII веке появилось понятие «Восточная Европа» [Рабинович 2001; Lemberg 1985; Вульф 2003].

Географические представления о пространствах России долгое время продолжали оставаться достаточно неопределенными. Екатерина II в 1767 году в письме из Казани писала Вольтеру: «Вот я и в Азии: я желала увидеть ее собственными глазами»⁸. Казань находится в Европе, но императрица отождествляла географическое с культурным. Она обсуждала с философом возможность применения российских законов в обеих частях света, отмечая, насколько сложно это осуществить, принимая во внимание различия в климате, обычаях и традициях.

Как мы видим из письма Екатерины, определение «азиатский» могло означать культурную характеристику. В еще большей степени, чем для Екатерины, такое словупотребление было характерно для западноевропейских путешественников, долго еще называвших Россию азиатской страной. Дени Дидро писал жене 9 октября 1773 года из Петербурга о свадьбе великого князя Павла Петровича: «Si tu peux imaginer tout la magnificence d'une cour

⁶Всесоюзное географическое общество в 1958 году определило линию сухопутной границы между Европой и Азией. Чтобы сохранить единство природных ландшафтов, было решено отнести Урал целиком к Европе, а Кавказ целиком к Азии. Это положение не является общепризнанным, прежде всего в отношении Кавказа, и в настоящее время активно обсуждается [см., например: Berglund, Duvold, Ekman, Schymik 2009]. История вопроса и современная официальная позиция российских географов детально описаны в статье: Чибилев 2011. А.А. Чибилев возглавлял ландшафтно-историческую экспедицию «Урал — граница Европы и Азии» в 2010 году.

⁷Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze rußische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet; in einer historisch-geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten, und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellt, nebst einer noch niemahls ans Licht gegebenen tabula polyglotta von zwey und dreyßigerley Arten Tatarischer Völcker Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen Landcharte von den benannten Ländern und andern verschiedenen Kupfferstichen, so die Asiatisch-Scythische Antiquität betreffen; bey Gelegenheit der Schwedischen Kriegs-Gefangenschaft in Rußland, aus eigener sorgfältigen Erkundigung, auf denen verstateten weiten Reisen zusammen gebracht und ausgefertiget. Stockholm: Autor, 1730.

⁸«Me voila en Asie, j'ai voulu voir cela par mes yeux» [Catherine II a Voltaire. 29 mai (9 juin n.s.) 1767. D. 14219. Цит. по: Voltaire 1974: 146].

asiatique...» («Если бы ты могла вообразить все великолепие азиатского двора...») [Diderot 1966: 63]⁹.

Европейское направление

«Пространственно-временные» реформы XVIII века вызывали у жителей России чувство обновления и перемещения в новый мир. Важную часть этих трансформаций составила календарная реформа, проведенная Петром I, в результате которой летоисчисление стало вестись не «от сотворения мира», а от Рождества Христова, что передвинуло точку отчета сразу на 5508 лет. Современники отмечали сильное и неоднозначное впечатление, которое произвели на простой народ перемена летоисчисления и перенос празднования Нового года. Так, например, И. Голиков пишет о том, что многие удивлялись тому, «...как мог Государь переменить солнечное течение, и, веруя, что Бог сотворил свет в сентябре месяце, остались при своем старом мнении» [Голиков 1788: 6].

Во времена Петра I государственные границы носили условный характер, вплоть до фундаментальной неясности в вопросе о том, «сошлась ли с Америкой» азиатская часть России¹⁰. Открытым оставался вопрос о том, должны ли подчиняться властям Российской империи чукчи и жители Курил, которых Британская империя считала своими подданными [См.: Нарочницкий 1989]. Кроме того, петербургские власти замалчивали информацию о двоеданничестве и двойном подданстве ряда коренных народов Южной и Юго-Западной Сибири: барабинских татар, алтайцев, шорцев и жителей бассейна Верхнего Енисея [Боронин 2002].

Особого внимания требовали новые земли — Крым, Кавказ, «коего внутренние части почти столь же мало известны, как внутренность Африки»¹¹. Это определило практику государственного контроля над территориями, предварявшуюся географическими экспедициями и картографической фиксацией российских границ, а также систему геополитических предпочтений и ориентаций, закреплённую в официальных документах. Именно в XVIII веке определилось «европейское» направление развития, хотя в то же время довольно успешно осваивался американский континент¹². К началу XIX века в состав «русской Америки» входили Аляска, Алеутские острова и земли вдоль Тихоокеанского побережья вплоть до форта Росс в Северной Калифорнии (недалеко от Сан-Франциско). Эти земли были присоединены к России «промышленными людьми» и моряками «по праву первооткрывателей», но оказались не очень нужны центральной власти [См.: Бастракова, Копелевич 1988]¹³. Упоминание о том, что Россия имеет «заморские» владения, не относилось к числу идеологически значимых. Характерно и то, что информация о том, что происходит в американских колониях Британии и Франции, приходила в Россию из Европы, прежде всего из Лондона, а не от собственных агентов на этом континенте. Я проанализировала содержание газет «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» второй половины XVIII века: освещая американские события, они ссылались на европейские публикации.

Вероятно, одной из причин отсутствия интереса к освоению Америки была ее удаленность от центра, требовавшая не «внутренней», а «дистанционной» колонизации, иначе говоря, другой системы управления. Если колониальная система Запада предполагала значитель-

⁹Благодарю А.А. Златопольскую за указание на этот факт.

¹⁰Витус Беринг обследовал пролив между двумя континентами, впоследствии названный его именем. Первым из европейцев, кто прошел Беринговым проливом, был, по-видимому, землепроходец-колонизатор Семен Дежнев в 1648 году, но он не был картографом и не составил научного описания открытых им земель.

¹¹Это писалось в 1810 году. См.: Броневский 1823: XXVII.

¹²В качестве казуса можно указать на «Проект завоевания Америки, поданный Петру Великому» неизвестным лицом и опубликованный И.Е. Забелиным [См.: Проект завоевания Америки 1851].

¹³Вернадский, собирая материал для «Очерков по истории естествознания в России в XVIII столетии», писал в 1912 году о том, что американские владения России были добыты «народным старанием» [См.: Вернадский 1985: 61].

ные элементы самостоятельности органов колониального управления (что впоследствии стало социальной базой для провозглашения их независимости), то российская администрация на местах должна была неукоснительно выполнять предписания «центра».

Другая причина была связана с *качеством* европейского пространства, которое оценивалось как более высокое. Студенты Московского университета могли прочитать в своем учебнике:

...Европа своим пространством хотя самую меньшую часть земного шара составляет, однако ж по многим важным причинам знатнейшею и превосходнейшею из всех частей света называться достойна как то, между прочим, потому:

1. Что она сверх того, что воздух в ней здоровой и земля плодородна и всем изобильна, населена больше и выстроена великолепно и лучше, нежели прочие части света;
2. Она одна произвела храбрых героев, мудрых Государей и славных людей больше, нежели прочие части, все вместе взятые... притом была она престолом Римския империи, знатнейшия и величественнейшия из всех известных древних монархий;
3. Что она с давних веков главным обиталищем истинного богопочитания и всех наук и художеств [является]¹⁴ и что познание истинного Бога и Спасителя мира Иисуса Христа в прочих части земли распространяется через ея жителей;
4. Что она всех прочих частей вместе взятых сухопутною и морскою силою несравненно превосходит...
5. Наконец, Европейцам ту честь приписать должно, что они природными своими дарованиями несравненно превосходят жителей всех прочих частей света: как то со всякой справедливостью утвердить можно, что они вообще искренны, правдивы, чистосердечны, остроумны, храбры, великодушны, человеколюбивы, ласковы, учтивы, обходительны и честны, да и самым сложением тела хороши и складны; и словом сказать, как в душевных, так и в телесных их дарованиях не найдется той грубости, какая примечается у народов других частей земного шара [Чеботарев 1776: 88-90].

Таким образом, Российская империя на «ментальных картах» российского образованного общества разделялась на две неравные как в пространственном, так и в качественном отношении части.

География как государственная стратегия

Управление колонизируемыми территориями, например Сибирью, осуществлялось специальными органами (Сибирский приказ, Сибирский комитет, генерал-губернаторства). На территории Сибири имела хождение особая сибирская монета, чеканившаяся на Сузунском монетном дворе, что затрудняло торговые сделки сибирских промышленников с метрополией [Разгон 1998: 4]. Центробежная политика империи затрудняла развитие Сибири, так как государство выступало главным хозяйственным монополистом, ограничивая как социальную, так и экономическую инициативу местного населения. Принципиально важным было и то, что собственность на землю в этой части империи всецело находилась под контролем государства. Несмотря на малую плотность населения и наличие обширных неиспользованных пространств, самовольное расселение и обработка земли в Сибири считались незаконными¹⁵.

По сути, окраинные территории были связаны с российскими столицами (так же как и «заморские» колонии — с европейскими метрополиями) всего лишь маршрутами курьеров. Однако то, что эти курьеры путешествовали не морем, а по земле, поддерживало коллектив-

¹⁴В источнике сказуемое пропущено, вставлено по смыслу. — Т.А.

¹⁵См. детальный анализ процесса колонизации Сибири, а также сравнение этого процесса с колонизацией Америки в кн.: Резун, Шиловский 2005.

ное убеждение, что они участвуют не в колонизации, а в управлении собственно российскими территориями.

«Открытые» внутри собственного государства земли оказывались неоднородными с точки зрения их экономического и культурного развития. Это привело к неравномерности распространения политических и юридических институтов в различных регионах России. Так, например, вопреки традиционному социально-экономическому образу России, крепостное право фактически не затрагивало значительную часть империи, в особенности новоприобретенные территории.

Традиционная политическая риторика рассматривала процесс экспансии как реализацию просветительской миссии России, однако в реальности колонизация часто оказывалась просто результатом экстенсивного хозяйствования и смены истощенных земель на более плодородные. Иногда колонизация носила принудительный характер: так, колонизация Сибири в XVIII веке осуществлялась чаще «по указу», «народная» же колонизация имела характер бегства от крепостной зависимости, то есть осуществлялась незаконно, стихийно и тайно от властей [См.: Любавский 1909: 350]. Н.М. Ядринцев, исследователь истории колонизации Сибири, приводит пример деревни, жители которой были уверены, что их поселение находится на территории Китая:

— Кто вы такие? — спрашивает пограничный начальник.

— Мы российские!

— Кто вам дозволил здесь поселиться и как вы смели?

— Мы не на твоей земле живем, — отвечали переселенцы.

— А на чьей же?

— Мы киргизскому султану, что в Китае живет, другой год дань за землю платим, — отвечали наивные русские колонисты, вообразившие, что они находятся в китайских пределах, — на самом деле они были еще в пределах России, хотя в такой местности, которую знали плохо и русские [Ядринцев 1882: 139].

Справедливости ради, однако, следует отметить, что «приблизительный» характер границ — характерная черта карт XVIII века. Ф. Бродель отмечал, что линейной границы в современном понимании этого слова не существовало до XIX века, ее ширина могла варьироваться от 3 до 4 лье. Он пишет:

...граница имела вид широкой и, как правило, нечеткой черты. Легко догадаться, какие последствия это влекло за собой. Эксклавы и анклавы (каковые фактически суть одно и то же — достаточно лишь взглянуть с другой стороны) часто представляли собой целые деревни, группы деревень, городки и даже небольшие города; каждый из них служил крепостью, воздвигнутой на вражеской земле, постоянно открытыми воротами в глубь территории противника [Бродель 1994: I: 293].

Особенностью колонизации Сибири была малая плотность населения. Организаторы процесса колонизации предлагали совершенно фантастические проекты по освоению новых территорий и их заселению «заграничными азиатцами». Так, томский и иркутский губернатор А.М. Корнилов внес предложение «О вымене у Азиатцев детей и обращении их в христиан и в благодарных России подданных» [Корнилов 1828: 11].

Сколь ни кажется противным чувствительному сердцу такой торг и мена, — пишет он, — но оный, напротив того, делает Русским честь спасением человечества. Чему бы подверглись сии несчастные жертвы невежеств и лютоисти, когда бы не имели и сего способа спасти себя от голодной смерти? Что предстояло бы впереди невинным младенцам, в пеленах уже страждущим детям их, кроме совершенной нищеты, ужасов и погибели? Но теперь, жалостью Русских

купленные, жалостью вскормленные, жалостью в состояние трудолюбия приведенные, они, под покровом Закона обеспеченные в своем состоянии, могут быть полезными и благодарными подданными нового своего отечества — России, которому они обязаны и жизнью и Святым крещением, спасающим их и в вечности [Там же].

Этот проект имел своим основанием соответствующий закон от 7 июня 1749 года № 9626 «О позволении военным чиновникам покупать у чужеземцев Калмык и Калмычек и о пропуске их через Верхотурье в Россию» [ПСЗРИ Т. 13: 75].

Предлагалось также преобразовать крестьян пограничных районов в военных поселенцев, стимулировав их тем самым к занятию земледелием, а не охотой и рыболовством [Кандаурова 2009]. Автор проекта, адресовавший его Александру I, — бригадный командир Отдельного Сибирского корпуса генерал-майор Айгустов — полагал, что он, как человек государственный, лучше знает, чем должен заниматься сибирский крестьянин, чем сами крестьяне.

Необходимость исследования территории империи определила социальную значимость наук, среди которых на одно из первых мест выделилась география. Это было одно из самых развитых направлений исследований в Петербургской Академии наук, основанной в 1724 году. Географический департамент (с 1758 до 1765 года его возглавлял М.В. Ломоносов) занимал важное место в ее структуре, а подготовка и реализация экспедиций, изучавших страну, сравнимы со значением Великих географических открытий XV-XVII веков для Европы. Великая Северная экспедиция (1733-1742), экспедиции 1760-1770-х годов, в которых приняли участие известные ученые В.И. Беринг, И.Г. Гмелин, С.Г. Гмелин, Д.Г. Мессершмидт, С.П. Крашенинников, П.-С. Паллас, Г.В. Стеллер и другие, уточнили очертания империи — например, окончательно решили вопрос о проливе между Азией и Америкой. Попутно они описали природный мир России и выяснили, какие народы ее населяют.

Путешественники были снабжены вопросником, помогающим вести и систематизировать этнографические описания. Этот вопросник становился все более разработанным по мере того, как накапливались и систематизировались знания об осваиваемых территориях [Вишленкова 2007]. Елена Вишленкова отмечает, что по указанию В.Н. Татищева участникам экспедиций предписывалось «отличать русских от иноверцев и новокрещенных язычников» [Там же: 65]. Однако русские, согласно этим описаниям, не составляли какой бы то ни было обособленной группы, связанной с определенной географической областью. «Природными российскими обывателями» считались все православные народы [Там же; см. также: Вишленкова 2011].

Открытие новых соотечественников вызвало в обществе неподдельный интерес. В 1774-1776 годах вышло 12 номеров издания с гравюрами Х.М. Рота «Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов, в Российской империи обретающихся». Эти образы стали прототипами популярной серии фарфоровых фигурок «Народы Российского государства», изготовленных на Императорском фарфоровом заводе под руководством Ж.-Д. Рашетта в 1780 году. В 1776-м вышло известное сочинение Ивана Ивановича (Иоганна Готлиба) Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» [Georgi 1776-1780]¹⁶, ставшее своеобразной интерпретацией этих образов [Вишленкова 2007: 71-72]. Е.А. Вишленкова отмечает дискурсивный конфликт нарратива и визуальности в изданиях Георги [Там же: 73]. Подписи на немецком и французских языках под изображениями неточно передавали особенности таких русских понятий, как «баба», «девка», «жена», «женщина»; кроме того, не было ясности с употреблением понятий «русский» и «российский», не было сформировано визуально ясного антропологического образа русских. Издание также не прояснило вопроса о том, как связаны все описываемые народы друг с другом. Таким образом, даже «визуальная

¹⁶Вышло также несколько переводов этого издания, например: Георги 1799.

антропология» [см. также: Вишленкова 2011] описывала скорее народы, населявшие пространство империи, нежели жителей определенной страны.

Эти народы были описаны с той же степенью отстраненности, как и народы других стран. Такая же ситуация была характерна и в других этнографических изданиях, например в книге «Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетаниях разных чужеземных и в России обитающих народов» (СПб., 1797), хотя в ней и выделялись «великороссияне».

Анализируя развитие науки в России XVIII века, Вернадский отметил: «...картография России и окрестных стран вызвана государственными, а не научными потребностями; целый ряд географических, горных, ботанических экспедиций, астрономических и метеорологических наблюдений, физических или химических опытов имели своей задачей также практические государственные или частные задачи» [Вернадский 1988]. Это отношение делало географию и даже астрономию, без которой невозможны были бы картографические исследования, стратегическими дисциплинами. В 1739-1740 годах Географическим департаментом Академии наук заведовал Ж.-Н. Делиль. Известно, что он был лишен академической пенсии за то, что тайно отправлял во Францию карты России и опубликовал их без согласования с Петербургской Академией наук [Delisle 1752].

Россия описывала свою территорию внутри границ, которые узнавала и уточняла в результате географических исследований. Не последнее место в этих изысканиях занимала и надежда открыть новые страны, с богатой природой и благоприятным климатом. В 1712 году Лейбниц писал о «людях, отправившихся из Сибири на Север так далеко, что они, наконец, пришли в теплые страны» [Цит. по: Вернадский 1988]. Вернадский отмечает, что суровый характер природных условий Сибири был новостью для европейских ученых, полагавших, что и около полюса могут находиться теплые земли [Там же]. Не случайно М.М. Щербатов помещает утопическое пространство «Царства Офирского» около Антарктиды¹⁷.

Результатом первого этапа географической деятельности Петербургской Академии наук стал Атлас 1745 года, оказавшийся одним из лучших образцов того времени, что позволило Л. Эйлеру заметить: «География России приведена в гораздо исправнейшее состояние, нежели география Немецкой земли» [Цит. по: Историч. очерк деят. воен. топ. 1872].

Имперская карта

В книге Ф.Р. Анкерсмита [Анкерсмит 2003] довольно подробно анализируется феномен имперской карты, описанной Борхесом и проанализированной Бодрийяром: некий император хотел иметь настолько подробную карту своих владений, что она в конце концов сравнялась с ними в размерах, сделав избыточной собственно территорию. «Территория больше не предшествует карте и не переживет ее, — пишет Бодрийяр, — впредь именно карта предшествует территории — *precession of simulacra* — карта порождает территорию» [Baudrillard 1981: 10].

«Очевидное возражение на аргумент Бодрийяра, конечно, состоит в том, что в истории Борхеса реальность, или территория, едва ли может отдать логический приоритет своей репрезентации-карте. Нет территории, нет и карты» [Ibid.], — пишет Анкерсмит. Философ, разумеется, прав — в том случае, если мы что-то знаем о существовании территории помимо карты. Иногда, однако, справедливо и обратное суждение: нет карты — нет и территории. Кроме того, целью карты может быть вовсе не репрезентация территории, но демонстрация совершенно иных целей и интенций. В эпохи до XIX века можно было изображать на картах желаемую (воображаемую), а не реальную территорию, что приводило ее в логическое соответствие с воображаемым характером некоторых сообществ. Можно было игнорировать территории и государства, лишая их статуса реальных. Можно было выстраивать статус, де-

¹⁷См. о нем подробнее: Артемьева 1994.

монстрировать иерархию политико-географических объектов. Ибо карта — это описание, а язык карты зависит от целей заказчика [См. подробнее: Monmonier 1991; Monmonier 1993].

Географическая символика, визуализирующая систему социополитических (геополитических) установок, использовалась еще в древности. Даже в эпоху Возрождения можно увидеть карты, изображающие мир с точки зрения ценностной иерархии, несмотря на то что их создатели имели относительно точные представления о географии. Так, на известной карте Генриха Бюнтинга «Мир как трилистник» изображены Европа, Азия и Африка в форме трилистника с Иерусалимом в центре [См.: Bunting 1598: 26-27], на другой же карте Европа представлена в виде девы [Ibid.: 30-31].

Важное значение для национальной идентичности имеет создание национального атласа. Характерно, что первым в мире таким изданием стал национальный атлас не самостоятельной, а стремящейся к независимости страны. Это был вышедший в 1899 году национальный атлас Финляндии, которая в то время входила в состав Российской империи. Финляндия, таким образом, представляла себя как автономную территорию. Современный Национальный атлас России [Бородко 2004-2008] рассматривается как атрибут государственности наравне с флагом, гербом и гимном [Веденин, Ельчанинов 2010].

Возможности языка географической визуальности также используются в политических и идеологических целях. Так, изменение проекции карты России, с «правильным» отношением «частей империи к центру», было предложено Д.И. Менделеевым [Менделеев 1906]. В результате нового расположения европейская часть России оказалась выдвинутой на первый план, чем подчеркивалась ее культурная и социально-политическая значимость. Напротив, в книге З. Бжезинского «Великая шахматная доска» [Бжезинский 1998: 15] приводится «перевернутая» карта мира, дающая возможность наглядно увидеть, насколько Азия превосходит размерами все другие континенты.

Фернан Бродель, говоря о Франции, рассматривает вопрос о том, как идентификация страны связана с ее географией. Он даже обсуждает вопрос о l'isthme français — «французском перешейке». Существование такого перешейка становится возможным при «неконвенциональной» интерпретации географического пространства, в которой Европа рассматривается как вытянутый полуостров громадного азиатского массива; французская его часть простирается всего на 700 км. При такой интерпретации можно выделить также германский (1000 км) и российский (1200 км) перешейки.

Если Бродель рассматривает проблему «перешейка» исключительно с точки зрения коммуникационных векторов — торговых путей и политических устремлений, то российский политический философ И.А. Ильин видел в этом образе совершенно иной смысл. В статье «Россия есть живой организм», написанной в 1950 году — то есть примерно в то же время, когда Бродель обсуждал идею «Европы перешейков» в книге «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1948), — Ильин писал о том, что «Европа есть лишь небольшой полуостров великого азиатского материка» [Ильин 1992], противопоставляя ей массивность российских территорий. Единство России, по мнению Ильина, «географически предписано и навязано нам землею» [Там же], поэтому «Россия не должна была превращаться, подобно Западной Европе, в „кочечно-каморочную“ систему мелких государств с их заставами, таможенными и вечными войнами» [Там же]¹⁸. Таким образом, для Ильина географическое выступает предпосылкой социального и политического.

Великая и масштабная

Для российских мыслителей, начиная с митрополита Зосимы и старца Филофея, писавших о Москве как третьем Риме, географическое и культурное при обсуждении российской

¹⁸О восприятии России как оппозиции европейскому «полуострову» см. работы Харалда Бейкера (Harold D. Baker) в Интернете (www.biffbaker.com).

проблематики часто было переплетено очень тесно. «Огромность России есть ее метафизическое свойство, а не только свойство ее эмпирической истории. Великая русская духовная культура может быть свойственна только огромной стране, огромному народу» [Бердяев 1990: 236], — писал Н. Бердяев. Эти слова сближают его позицию с официальной идеологией, которая в отношении к размерам российской территории мало изменилась за последние столетия.

Пристальное внимание географическим исследованиям уделяли все монархи, порой выделявшие крупные суммы на них из своих личных фондов. Аналогичную тенденцию можно проследить и сегодня. Президентом Русского географического общества¹⁹ относительно недавно был избран тогдашний министр по чрезвычайным ситуациям РФ Сергей Шойгу, а тогдашний премьер-министр Владимир Путин стал главой попечительского совета общества. 18 ноября 2009 года на съезде Русского географического общества Путин выступил с речью, где, в частности, сказал:

...Вы знаете, когда мы говорим о России, то очень часто почти бессознательно и уже в «дежурном варианте» употребляем слово «великая». Постоянно говорим о ее величии — и справедливо. Хотя мы понимаем, что в современном мире — собственно, всегда так было, но в современном мире особенно — величие того или иного государства определяется очень многими факторами. Здесь и устойчивость политической системы, и конкурентоспособность экономики, и наличие ресурсов — много всего. Но всеми этими составляющими может обладать и небольшая страна. Она может быть и устойчивой, и конкурентоспособной. Но когда мы говорим «великий», «великая страна», «великое государство», конечно, масштаб имеет значение. Потому что, повторяю, государство может быть очень эффективным, и можно наделить его массой комплиментарных эпитетов, но все-таки — если нет масштаба, нет влияния, значения. <...> Это, конечно, уже что-то другое, какие-то другие нужно употреблять слова, эпитеты, характеризующие состояние, значение этой страны²⁰.

Таким образом, мы видим определенную преемственность в позиционировании государственной идентичности представителями как интеллектуальной, так и политической элиты.

«Пространное государство предполагает самодержавную власть... Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление, отдаленности мест причиняемое...» — писала Екатерина II в 1767 году в «Наказе Комиссии о сочинении проекта нового уложения» (гл. 2, п. 10)²¹, рассматривая принципы географического детерминизма Монтескье как теоретическую основу обоснования политического режима. Она не забывала о том, какой обширной страной правит, хотя и снижала метафизическую серьезность в повседневном общении: «...государыня очень часто говорила нам о своей огромной империи и, намекая на эти насмешки, называла ее своим маленьким хозяйством: „Как вам нравится *мое маленькое хозяйство*? Не правда ли, оно понемножку устраивается и увеличивается?“» [Сегюр 1989: 410] — писал в своих мемуарах граф де Сегюр.

Одной из существенных особенностей управления обширных территорий является проблема коммуникации. Екатерина подчеркивает ее значение для успешного управления страной, полагая, что скорость в принятии решений «из центра» может компенсировать разобщенность различных частей империи, объединявшейся не столько дорогами, сколько «направлениями».

¹⁹Императорское Русское географическое общество — одно из старейших географических обществ мира. Создано в 1845 году по приказу императора Николая I. Первым председателем Общества в 1845-1892 годах был великий князь Константин Николаевич (1827-1892), второй сын Николая I.

²⁰Цит. по официальному сайту Председателя Правительства РФ [Электронный документ]. Доступ: <http://premier.gov.ru/events/news/8292/> (27.08.2011).

²¹Цит. по изд.: Екатерина II 1770.

Россия всегда управлялась из центра в значительной степени в «ручном режиме» при минимальном развитии местного самоуправления. Это требовало включить географию в состав политических наук, а почту — в состав технологий управления.

Возникновение почты на российской территории датируется 1266 годом [Вигилёв 1979; см. также: Козловский 1913]. Судя по всему, она стала результатом установления коммуникации монгольского типа. Монголы же заимствовали ее из Китая. Она получила название «ямская гоньба» и представляла собой, как известно, передвижение наподобие эстафеты между почтовыми дворами (ямами). Она соединяла между собой города Руси, а потом — Великого княжества Московского. Примечательно, что почта в России всегда имела государственный, а не частный характер.

С 1677 года в России начала действовать регулярная международная почтовая служба — «немецкая почта». В петровские времена была установлена регулярная почтовая связь с сибирскими городами. Географические экспедиции были мощным стимулом к дальнейшему развитию этих связей.

Я нашла в Своде законов Российской империи более семидесяти различных законов, постановлений, распоряжений, касающихся регламентации работы почты. Почта стала необходимым звеном государственной административной машины и только потом средством связи между образованными людьми.

Как отмечал Ф. Бродель в своей книге «Что такое Франция?», пространство не является неизменной величиной, а зависит от скорости, с которой преодолевает его человек [Бродель 1994: I: 88]. Иными словами, социальное пространство измеряется в единицах коммуникации, а последняя зависит от уровня развития культуры. Даже идеи распространялись до XIX века со скоростью лошади. Но и лошади передвигались по-разному. В России скорость зависит от статуса. Правительственный курьер преодолевал 180 верст за сутки.

...С древнейших времен до первых паровозов максимальной скоростью человеческого передвижения была быстрота лучшего коня или тройки, колесницы: примерно 20 километров в час на коротком пути, и меньше, если делить длинные версты на долгие часы. Поэтому в 1796 г. Россия — страна огромная, медленная (в 30-40 раз медленнее и, стало быть, во столько же раз «больше», чем сегодня); страна, где от обыкновенного черноземного гоголевского городка «три года скачи — ни до какого государства не доедешь». Между тем солидные путешественники только с петровского времени принялись скакать сломя голову; прежде — чем важнее, тем медленнее: воевода из Москвы в Якутск, «на новую работу», ехал в 1630-х годах не торопясь, переживая разливы и чрезмерные холода, ровно три года (средняя скорость — 7 верст в сутки). В XVIII-XIX вв. медленная езда подобает только царской фамилии [Эйдельман 1986: 4].

Коммуникация, о которой писал Бродель, в других частях Европы, в том числе и в России, была связана с качествами социального пространства. Так, например, железные дороги появились в Сибири довольно поздно и закрепляли не столько социально-экономические, сколько политические связи:

Единственная трансконтинентальная железная дорога России — Транссиб — вступила в строй в начале XX в. и, в отличие от частных американских дорог, принадлежала государству. Ее главная цель была не экономическая, а политическая — укрепление позиций России на Дальнем Востоке. Дорогу рассматривали как орудие российской экспансии в этом регионе, освоение же Сибири было на втором месте. Уже в конце 90-х годов XIX в. она не справлялась с грузовым потоком хлеба, и он ждал своей очереди по 3-4 месяца [Супоницкая 1989: 226].

Отсутствие дорог, суровый климат, сезонный характер передвижений (зимний и летний, часто водный, пути могли не совпадать), незаселенность отдельных районов, топогра-

фическая неопределенность лишали пространство Российской империи необходимой гомогенности. Физически обширное, оно было социально и политически дискретным.

Вероятно, если бы вместо степных и таежных «пустот» было теплое море, прибрежные регионы смогли бы обогащать друг друга в процессе коммуникации, как это было со средиземноморской культурой. «Измените границы стран, — писал Гердер, — отнимите у них тут проливы, там закройте естественный путь — и вот долгими веками судьба всех народов и частей света будет протекать совсем иначе, иначе будет складываться их культура, иначе будет строиться и разоряться мир» [Гердер 1977: 32].

Начиная с екатерининского времени в «сценарии власти» включаются ритуальные поездки по собственной территории — правда, только по европейской ее части²², предварявшиеся тщательной географической, картографической подготовкой и системой символических акций [См. об этом: Бессарабова 2008]. Наиболее масштабными были путешествие по Волге, совершенное императрицей в 1767 году, и в Крым — в 1787-м. Вторая поездка была связана с деятельностью Потемкина по колонизации Новороссии и строительством городов — Херсона и Екатеринослава (где Потемкин собирался открыть университет и Академию наук [ПСЗРИ. Т. 22. № 15910 от 22 января 1784], развить промышленность). В 1787 году Екатерина посетила Екатеринослав, заложив там храм, который должен был превзойти собор св. Петра в Риме; следующий после Екатерины камень в основание собора заложил император Австро-Венгрии Иосиф II. Амбициозным проектам не суждено было реализоваться в полной мере. В некотором смысле прав оказался император Иосиф, который говорил, что он с императрицей совершил великое дело: она положила в основание первый камень, а он — последний [Багалей 1889: 47]: несмотря на то что заложенный ими Спасо-Преображенский собор в Екатеринославе все же был достроен, но только к 1835 году, и оказался в пять раз ниже, чем планировалось первоначально.

Качественное отличие путешествий Екатерины от литературных «сентиментальных путешествий» породило конфликт, достигший своего апогея в деле А.Н. Радищева в 1790 году. Возможно, одной из причин раздражения Екатерины при чтении «Путешествия из Петербурга в Москву» послужила претензия Радищева на роль наблюдателя, «впервые» увидевшего проблемы своей страны и описавшего их. Императрица, которая предприняла колоссальные усилия, чтобы понять страну, которой она управляла, была раздосадована.

Сравнивая главы (соответствующие географическим точкам на карте) в *сентиментальном* путешествии А.Н. Радищева и в *политическом* путешествии Екатерины, мы видим, что угол зрения формирует разные картины. Екатерина видит исполненную славы²³, а Радищев — довольно неприглядную картину. Собственно, и тот и другой увидели то, что хотели увидеть, а точнее, продемонстрировали каждый свою оптику: Радищев — своим текстом, Екатерина — театрализованным шоу, которое она устраивала из своих поездок. Но важно, что для обоих путешественников освоение пространства является формой своеобразного социологического исследования. Люди, жизнь которых они наблюдали в своих поездках, явились для них неотъемлемой частью ландшафта и не могли быть разъединены с ним.

Впрочем, записки «русских путешественников» не всегда имели «сентиментально-политический» характер. П.И. Челищев (который вместе с Радищевым и другими пажамы был послан в Лейпцигский университет, где учился в 1766-1770 годах) совершил в мае-декабре 1791 года познавательное путешествие по «северным пределам обширного нашего Отечества», включая Соловецкий монастырь. Во время своей поездки он вел подробный дневник, который позже был опубликован [Челищев 1886]. Кроме того, в 1793 году он направил Российской Академии записку о своих лингвистических наблюдениях, отмечая

²²Первым представителем императорской фамилии, посетившим Сибирь, стал путешествовавший по России в 1837 году великий князь Александр Николаевич, будущий царь Александр II.

²³См. примерную программу того, что Екатерина планировала осмотреть, в кн.: Стафенгаген 1767.

лексическое богатство местных наречий и необходимость их использования для развития русского языка [Там же. Приложение: 277-286].

«Округление» границ

Важной особенностью организации государственного и культурного пространства явилась сверхцентрализация, в результате которой «резиденция» и «столица» качественно отличались от «провинции». Эта модель соотношения центра и периферии повторялась и в административной организации Российской империи, в частности в губернской реформе 1775 года [Мадариага 2002: 469-483]. Реформа укрепила институт губернаторства, упразднила «промежуточную» структуру — провинцию (было: губерния-провинция-уезд), но увеличила количество уездов и губерний (с 23 до 51). Было введено 19 наместничеств, объединявших несколько губерний. Сложившиеся крупные региональные объединения были раздроблены и перетасованы по новому принципу, в основе которого лежало равное количество населения (200-300 тыс. душ мужского пола на губернию и 20-30 тыс. — на уезд). Это вызвало критику современников — например, М.М. Щербатова. В статье «Замечания на „Учреждение для управления губерний для Всероссийской империи“» он пишет, что административное деление в стране с такой неравномерной плотностью населения нельзя производить «по душам». Необходимо было, по его мнению, территориально-подушное разделение, чтобы административные центры были в пределах досягаемости. В его утопическом сочинении «Путешествие в землю Офирскую» в административном разделении учитываются географические условия, плотность населения и степень экономической развитости региона. Что самое главное — доход в областях, на которые разделено «Царство Офирское», пропорционален количеству жителей, а не величине территории.

Российское политическое сознание формировало образы географической идентичности, представление о преимущественном значении территории перед человеком. Это сформировало почти эстетическое отношение к конфигурации страны. Традиция риторики «округления границ» наглядно проанализирована Е.В. Анисимовым [Анисимов 2009]. Говоря о присоединении Финляндии к России в 1809 году, он приводит как официальные аргументы («Оградить покой и безопасность Петербурга...») [Цит. по: Там же: 201]), так и голос просвещенного общества в лице Фаддея Булгарина: «Россия должна была воспользоваться первым случаем к приобретению всей Финляндии для довершения здания, воздвигнутого Петром Великим. Без Финляндии Россия была бы неполною, как будто недостроенною... Сухопутная наша граница была на расстоянии нескольких усиленных военных переходов от столицы» [Там же]. Анисимов указывает на идентичность этих аргументов с теми, которые приводились в 1939 году при нападении СССР на Финляндию. Характерно, что Сталин на совещании высшего командного состава РККА 14 апреля 1940 года, говоря об итогах войны с Финляндией, вспомнил историю войн с Финляндией в XVIII-XIX веках²⁴.

Великая Отечественная война стала для СССР также в значительной мере войной за территорию, которая велась без жалости к населению, жившему на этой территории. Географическая идентичность, возведенная в статус государственной идеологии и общественной психологии, определила систему исторических оценок. Наиболее успешными периодами

²⁴«Мы знаем из истории нашей армии, нашей страны, что Финляндия завоевывалась 4 раза. Мы попытались ее пятый раз потрясти. Мы знали, что Петр I воевал 21 год, чтобы отбить у Швеции всю Финляндию. <...> Мы знали, что после Петра I войну за расширение влияния России в Финляндии вела его дочь Елизавета Петровна 2 года. Кое-чего она добилась, расширила, но Гельсингфорс оставался в руках Финляндии. Мы знали, что Екатерина II два года вела войну и ничего особенного не добилась.

Мы знали, наконец, что Александр I два года вел войну и завоевал Финляндию, отвоевал все области.

Точно такие же истории происходили с войсками русских тогда, как теперь, окружали, брали в плен, штабы вводили, финны окружали, брали в плен — то же, что и было» [Сталин 1940].

русской истории продолжают считаться эпохи завоеваний и сохранения целостности географического и политического тела, а вовсе не благоденствия народа.

Александровская О.А. 1989. *Становление географической науки в России в XVIII веке*. — М.: Наука.

Анисимов Е.В. 2009. По праву завоевания. — *Forbes*. — № 12. — С. 200-204.

Анкерсмит Ф.Р. 2003. *История и тропология: взлет и падение метафоры* / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. — М.: Прогресс-Традиция.

Арзуманов И.А. 2006. Социополитические причины становления автокефалии ламаистской церкви России. — *Миссионерское обозрение*. — № 2.

Артемьева Т.В. 1994. *Михаил Щербатов*. — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета.

Архипова Н.П., Ястребов Е.С. 1990. *Как были открыты Уральские горы*. — Свердловск.: Средне-Уральское книжное издательство.

[Атлас Всероссийской Империи]. 1731. *Атлас Всероссийской Империи, в котором ея царства, губернии, провинции, уезды и границы сколько возмogli российские геодезисты описать, оные в ландкарты положить по длине и широте, точно изъясняются и города, пригороды, монастыри, слободы, деревни, заводы, мельницы, реки, моря, озера, знатные горы, леса, болота, большия дороги и протчая со всяким прилежанием изследованные российскими и латинскими именами подписаны имеютя трудом и тщанием Ивана Кирилова*. Весь сей Атлас разделен будет в три тома и будет содержать в себе всех на все 360 карт, ежели время и случаи все оныя собрать и грядором напечатать допустит. Длины зачал свое приемяют от первого меридиана чрез острова Дагдан и Эзель проведенного, кончаются же в земле Камчатке, так что Империя Российская более 130 градусов простирается, которых весь земной глобус 360 в себе содержит. — СПб.: [Санкт-Петербургская типография].

Багaley Д.И. 1889. *Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры*. — Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого.

Бастракова М.С., Копелевич Ю.Х. 1988. [Комментарии к работе В.И. Вернадского «Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии»]. — Вернадский В.И. *Труды по истории науки в России*. М.: Наука. — Доступно: http://www.bookorbita.com/library/istoriya/vernadskiy_vladimir/ocherkipoistorii.html — Проверено: 27.08.2011.

Бердяев 1990. Н.А. Русская идея. — *О России и русской философской культуре* / Отв. ред. Е.М. Чехарин. Сост. М.А. Маслин. — М.: Наука. — С. 43-271.

Бессарабова Н.В. 2008. *Путешествия Екатерины II по России*. — М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой.

Бжезинский З. 1998. *Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы* / Пер. с англ. О.Ю. Уральской. — М.: Международные отношения.

Бородко А.В. (пред. редколл.). 2004-2008. *Национальный атлас России: В 4 т.* / Под ред. А.В. Бородко (пред. редколл.), В.В. Свешникова (гл. ред.) и др. — М.: Роскартография.

Боронин О.В. 2002. *Двоеданничество в Сибири XVII — 60 гг. XIX в.* / Под ред. В.А. Моисеева. — Барнаул: Азбука.

Бродель Ф. 1994. *Что такое Франция?: В 2 кн.* / Пер. с фр. С.Н. Зенкина и В.А. Мильчиной. — М.: Издательство им. Сабашниковых.

Броневский С. 1823. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1.* — М.: Типография С. Селивановского.

Веденин Ю.А., Ельчанинов А.И. 2010. Национальный атлас России — новейшая научная географическая энциклопедия. — *Геодезия и картография*. — № 3. — С. 53-56.

- [Вернадский В.И.]. 1985. *Письма В.И. Вернадского к А.Е. Ферсману*. — М.: Наука.
- Вернадский В.И. 1988. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии. М.: Наука. Цит. по: [Электронный документ]. Доступно: http://www.bookorbita.com/library/istoriya/vernadskiy_vladimir/ocherki_po_istorii.html — Проверено: 27.08.2011.
- Вигилёв А.Н. 1979. *История отечественной почты: В 2 ч. Ч. 1*. — М.: Связь.
- Вишленкова Е.А. 2007. Тело для народа, или «Увидеть русского дано не каждому». — *Социологическое обозрение*. — Т. 6. — № 3. — С. 64-99.
- Вишленкова Е.А. 2011. *Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому»*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Вульф Л. 2003. *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения* / Пер. с англ. И. Федюкина. — М.: Новое литературное обозрение.
- [Георги И.И.]. 1799. *Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей*. Творение, за несколько лет пред сим на немецком языке Иоганна Готтлиба Георги. В переводе на российский язык весьма во многом исправленное и вновь сочиненное: В 4-х ч. Со 100 гравированными изображениями народов и 8 виньетами. — СПб.: Изданием книгопродавца Ивана Глазунова: При Имп. Акад. наук.
- Гердер И.Г. 1977. Идеи к философии истории человечества. (Серия «Памятники исторической мысли») / Пер. с нем. и прим. А.В. Михайлова. — М.: Наука.
- Голиков И.И. 1788. *Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России...: В 12 ч. Ч. II*. — М.: Университетская типография, у Н. Новикова.
- [Екатерина II]. 1770. *Наказ ея императорскаго величества Екатерины Вторья самодержицы всероссийския данный Комиссии о сочинении проекта новаго уложения*. — СПб.: При Императорской Академии наук.
- Замятин Д.Н. 2003. *Империя пространства*. — М.: РОССПЭН.
- Замятин Д.Н. 2004. *Метагеография. Пространство образов и образы пространства*. — М.: Аграф.
- Ильин И.А. 1992. Россия есть живой организм. — *Русская идея* / Сост. М.А. Маслин. — М.: Наука. — С. 436-441.
- [Историч. очерк деят. воен. топ.]. 1872. *Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822-1872*. — Санкт-Петербург: [Б. и.].
- Кандаурова Т.И. 2009. Проект организации военных поселений в Сибири. — *Гуманитарные науки в Сибири*. — № 2. — С. 18-20.
- Кивельсон В. 2012. *Картографии царства. Земля и ее значение в России XVII века* / Пер. с фр. Н. Мишаковой под ред. М. Крома. — М.: Новое литературное обозрение.
- Козловский И.П. 1913. *Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве*. — Варшава: Типография Варшавского учебного округа.
- [Корнилов А.М.]. 1828. *Замечание о Сибири сенатора Карнилова*. — СПб.: Типография К. Крайа.
- Любавский М.К. 1909. *Историческая география России в связи с колонизацией*. — М.: [Б.и.].
- Мадариага И. де. 2002. *Россия в эпоху Екатерины Великой* / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. — М.: Новое литературное обозрение.
- Максимович-Амбодик Н.М. 1788. *Емвлемы и символы избранные*. — СПб.: Императорская типография.
- Менделеев Д.И. 1906. К познанию России: С приложением карты России. СПб.: А.С. Суворин. — *Сайт Российской Государственной библиотеки*. — Доступно: <http://dlib.rsl.ru/view.php?path=/rsl01003000000/rsl01003736000//rsl01003736591.pdf?page160> — Проверено: 27.08.2011.

- Нарочницкий А.Л. (ред.). 1989. *Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века: Сб. докладов.* — М.: Наука.
- [Новый и полный геогр. слов. Росс. гос.]. 1788. *Новый и полный географический словарь Российского государства: В 6 ч. Ч. III: Л-Н.* — М.: Университетская типография, у Н. Новикова.
- Позднеев А.М. 1887. *Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии.* — СПб.: Типография Императорской Академии наук.
- [ПСЗРИ]. *Полное собрание законов Российской Империи: В 45 т. / Под ред. М.М. Сперанского.* — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.
- [Проект завоевания Америки]. 1851. Проект завоевания Америки, поданный Петру Великому / Пер. с голландск. П. Ларионова. — *Москвитянин.* — № 1. — С. 121-124; в Интернете: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1720-1740/Proekt_zav_ameriki/text.htm — Проверено: 07.09.2011.
- Рабинович Е.Г. 2001. От Атлантики до Урала (к предыстории вопроса). — *Новое литературное обозрение.* — № 52.
- Резун Д.Я., Шиловский М.В. 2005. *Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов.* — Новосибирск: Сибирское отделение РАН; Объединенный институт истории, филологии и философии; Институт истории.
- Разгон В.Н. 1998. *Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа.* — Барнаул: Издательство Алтайского университета.
- Сегюр Л.-Ф. 1989. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II / Пер. с фр. [пер. не указан]. — *Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подг. текстов, вст. ст. и комм. Ю.А. Лимонова.* — Л.: Лениздат. — С. 313-456.
- [Словарь Академии Российской]. 1792. *Словарь Академии Российской: В 6 ч. Ч. 3: От З до М.* — СПб.: Императорская Академия наук.
- [Сталин И.В.]. 1940. Выступление И.В. Сталина на совещании высшего командного состава РККА. 14 апреля 1940 года. — *РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 165. Д. 77. Л. 178-211.* Цит. по Интернет-републикации: — Доступно: http://bdsa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2093&Itemid=30 — Проверено: 27.08.2011.
- Стафенгаген И.И. 1767. *Географическое описание реки Волги от Твери до Дмитревска для путешествия Ея Императорскаго Величества по оной реке.* — [СПб.]: При Имп. Акад. наук.
- Супоницкая И.М. 1989. Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX в.). — *Одиссей: Человек в истории.* — М.: Наука. — С. 219-240.
- Татищев В.Н. 1979. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. — Татищев В.Н. *Избранные произведения / Под общ. ред. С.Н. Валка.* — Л.: Наука.
- Толстой Л.Н. 1982. *Анна Каренина. Собрание сочинений: В 22 т.* — М.: Художественная литература. — Т. 9.
- [Филос. и полит. переписка]. 1802. *Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с г. Волтером. С 1763 по 1778 год: В 2 ч. / Пер. с фр. Михаила Антоновского.* — СПб.: Печатано в Императорской типографии. — Ч. 2.
- [Чеботарев Х.А.]. 1776. *Географическое методическое описание Российской империи. С надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще. Для наставления обучающагося при Императорском Московском университете юношества. Из лучших новейших и достоверных писателей собранное грудами университетскаго питомца Харитона Чеботарева.* — М.: Университетская типография.

Челищев П.И. 1886. *Путешествие по северу России в 1791 году* / Издан под наблюдением Л.Н. Майкова. — СПб.: Типография В.С. Балашева.

Чибилов А.А. 2011. Евро-Азиатская граница: история вопроса и современные представления. — *Сайт Русского географического общества*. Февраль. — Доступно: <http://www.rgo.ru/2011/02/evro-aziatskaya-granica-istoriya-voprosa-i-sovremennye-predstavleniya/> — Проверено: 27.08.2011.

Шепелев Л.Е. 1999. *Чиновный мир России. XVIII — начало XX в.* — СПб.: Искусство-СПб.

Эйдельман Н.Я. 1986. *Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия*. — М.: Мысль.

Ядринцев Н.М. 1882. *Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее*. — СПб.: Типография М.М. Стасюлевича.

Baudrillard J. 1981. *Simulacres et simulation*. — Paris: Edition Galilee.

Berglund S., Duvold K., Ekman J., Schymik C. 2009. *Where Does Europe End? Borders, Limits and Directions of the EU*. — Cheltenham: Edward Elgar.

Bünting H. 1598. *Secvndvs tomvs Itinerarii et chronici sacrae Scriptvrae, ex Novo Testamento: de itineribvs D. N. Iesv Christi, SS. matris eivs, magorvm, apostolorvm, etc. Cum enarratione theologica praecipvorvm locorvm doctrinae de persona, officio, a beneficijs filij Dei ... exornata a M. Henrico Buntingo...* Magdaebvrgi: imprimebat Andreas Dunckerus, sumtibus Ambrosij Kirchneri. Anno M. D. XCVIII (1598). — Цит. no: *Wolfenbüttel Digital Library*. — Доступно: <http://diglib.hab.de/wdb.php?dir=drucke/b-144-2f-helmst&image=00000416> — Проверено: 27.08.2011.

Delisle N. 1752. *Explication de la carte des nouvelles decouvertes au Nord de la Mer du Sud*. — Paris: Desaint et Saillant.

Diderot D. 1966. *Correspondance. En 16 vols* / Ed. G. Roth. T. 13. Paris: Ed. Minuit. № 809.

Georgi J.G. 1776-1780. *Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten*. — St. Petersburg: Verlegts Carl Wilhelm Müller: Gedruckt in der Buchdruckerey des Kayseri. Adel. Artill. und Ingen. Kadettenkorps: Bey Johann Karl Schnoor.

Lemberg H. 1985. Zur Entstehung des Osteuropabegriffs im 19. Jahrhundert. Vom «Norden» zum «Osten» Europas. — *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. — Bd. 33. — H. 1. — S. 48-91.

Monmonier M. 1991. *How to Lie with Maps*. — Chicago: University of Chicago Press.

Monmonier M. 1993. *Mapping It Out*. — Chicago: University of Chicago Press.

Voltaire. 1974. *Correspondence and related documents*. — Banbury; Oxford: Voltaire Foundation. — V. 116.

Whittlesey D. 1945. The Horizon of Geography. — *Annals of the Association of the American Geographers*. — Vol. 35. — No. 1. — P. 1-38.

Wigen K.E., Lewis M.W. 1997. *The Myth of Continents: A Critique of Metageography*. — Berkeley: University of California Press.

Wright J.K. 1947. Terrae Incognitae: The Place of the Imagination in Geography. — *Annals of the Association of American Geographers*. — Vol. 37. — P. 1-15. — Доступно: http://www.colorado.edu/geography/giw/wright-jk/1947_ti/body.html — Проверено: 27.08.2011.